

ПД-7

Копия.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обв. КОЖУРО, Анны Евгеньевны,

8-го января 1935 г.

ВОПРОС: В предыдущих своих показаниях Вы сообщили следствию о том, что являлись членом подпольной зиновьевской организации и что по своему положению в организации, Вы были тесно связаны с членами московского зиновьевского центра. Расскажите более подробно о персональном составе центра и о структуре организации?

ОТВЕТ: Персональный состав московского зиновьевского центра: ЗИНОВЬЕВ Г.Е., КАМЕНЕВ Л.Б., ЕВДОКИМОВ Г.Е., БАКАЕВ М.П., ШАРОВ Я.В. и КУКЛИН А.С. .

Центральную роль в организации играли еще двое - ГОРШЕНИН И.С. и ГЕРТИК А.М., но они в состав центра не входили и занимали как бы особое положение; они были доверенными лицами центра и выполняли роль ответственных информаторов и исполнителей различных поручений, исходивших, главным образом, от главы организации - ЗИНОВЬЕВА.

Организационная структура зиновьевского подполья строилась в расчете на борьбу внутри партии и захват в свои руки ответственных должностей в партийном аппарате и в советских и хозяйственных учреждениях и предприятиях.

Задачей организации в этом смысле было постепенное неуклонное восстановление старых связей по прошлой фракционной борьбе, распространение влияния организации на другие города СССР и обязательное сохранение своих кадров внутри партии.

Укрепление и сохранение организационных связей шло путем нелегальных собраний, обычно прикрываемых из соображений

- 2 -

конспирации семейными чаепитиями и вечеринками. На эти "вечеринки" приглашались часто близиновьевцы, которые заранее намечались к вовлечению в организацию /речь идет о закреплении связей/; то же делалось в отношении зиновьевцев, приезжавших из других городов, которые снабжались в Москве информацией и установками, ориентировавшими их на продолжение борьбы с партией.

ВОПРОС: Расскажите о политических установках вашей организации?

ОТВЕТ: Систематическая критика политики и решений ЦК ВКП/б/, происходившая на собраниях членов нашей организации, шла в основном по трем линиям, а именно:

1. вопросы Коминтерна и международных отношений;
2. вопросы внутренне го социалистического строительства и
3. вопросы внутрипартийного порядка.

По всем этим линиям складывались определенные, общие всей организации, взгляды, сводившиеся к следующим установкам:

I. Нынешнее партийное руководство, занимаясь, главным образом, вопросами внутренними, игнорирует вопросы международной пролетарской революции и отодвигает их на задний план. Отсюда, как мы считали, неумение использовать накаленную революционную атмосферу капиталистических стран, плохая работа Коминтерна, частичные поражения пролетариата в различных странах.

Эти положения подкреплялись весьма извращенными сведениями о положении в Коминтерне, которыми снабжал организацию работник Коминтерна - МАДЬЯР.

- 3 -

Члены московского центра считали руководство Коминтерном необеспеченным. Это положение иллюстрировалось на наших собраниях множеством тенденциозно подобранных фактов плохой работы Коминтерна и неправильного руководства братскими партиями.

Если расширить нашу критику по линии Коминтерна, то сводится она к старому затасканному утверждению о национальной ограниченности партии, о социализме в одном уезде и о том, что интересы международной революции приносятся в жертву официальной наркоминдельской политике.

2. По вопросам внутреннего хозяйственного строительства: прежде всего, ответственность за все трудности, которые приходилось переживать и преодолевать стране, возлагалась на руководство партии. Считалось, что взятые темпы индустриализации и коллективизации совершенно непосильны, что эти темпы истощают страну, привели к голоду, к резкому ухудшению материального положения рабочих и колхозников.

Под эти установки, даваемые московским зиновьевским центром, подгонялась живая действительность путем ее нарочитого искажения. Приезжающие из провинции зиновьевцы, осуществляя, так сказать, связь с местами, поставляли тенденциозно подобранный материал о разваливающихся колхозах, бессмысленно начатых и законсервированных стройках, о голодающих рабочих и т.д. и т.д. /ЕЛЬКОВИЧ, ГЕССЕН, ГОРДОН и др./.

ГОРШЕНИН, вернувшись из командировки по Сибири, куда он ездил с обследовательской brigадой ЦК, привез цифры, так подобранные, что они, извращая действительность, подтверждали такие же выводы: ПЕРИМОВ, который несколько лет работал на стройке Мясокомбината, при своих приездах рассказывал о бессмысленности этой стройки. В последний свой

- 4 -

приезд КАПИТОНОВ рассказывал о том, как они выселяют из своих районов /Новосибирск/ кочевников, которые, спасаясь от голодной смерти, пытались перейти в оседлые районы.

В этот же приезд, я помню, КАПИТОНОВ приводил цифры, якобы, бессмысленно затрачиваемых сумм на постройку дворца Советов /миллионы рублей/, которую пришлось законсервировать.

Мы старались использовать для подтверждения наших контрреволюционных установок не только "наш" материал, но и материал "со стороны", не говоря уже о том, что, согласно поручения центра организации /ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА/, ГОРШЕНИН и КАПИТОНОВ, пользуясь своим служебным положением в Госплане РСФСР и СССР, систематически подбирали цифровые данные, дискредитировавшие капитальные строительства по планам первой и второй пятилеток.

Нами отбрасывались в сторону колоссальные достижения партии, все успехи социалистического строительства и собирались в одно целое только трудности, неудачи и временные задержки. И когда мы, однако, под влиянием фактов, вынуждены были этот рост и успехи признавать, тогда делались заявления, примерно, следующего порядка: успехи есть, конечно, но какой ценой? Ценой миллионов жизней, которые при иных условиях могли бы быть спасены. И снова приходили к тому же: политика партии неверна, взятые темпы строительства непосильны.

Если расшифровать все эти утверждения, если разобраться для чего нужны были эти нарочито подобранные, искажающие действительность, факты, то снова появляется старый знакомый тезис троцкистско-зиновьевской платформы о невозможности построения социализма в нашей стране.

3. Внутрипартийный режим расценивался нами, членами организации, как режим репрессий и террора. Считалось установленным, что на партийных собраниях нет свободы высказываний, что голосуются штампованные резолюции, что самокритика - это фикция и т.д.. В силу своего двурушничества, ставшего нашей второй натурой, мы себя сами ставили в такое положение, когда на собраниях должны были тщательно следить за тем, чтобы в наших выступлениях не проскользнули наши антипартийные намерения.

В таких идеях и настроениях, которые поставлялись нашими "вождями", идейно и организационно росла наша организация. Обычно, все приезжавшие с мест стремились повидаться с кем-либо из центра, в первую очередь, с ЗИНОВЬЕВЫМ, КАМЕНЕВЫМ, ЕВДОКИМОВЫМ или БАКАЕВЫМ, установки которых осуществлялись затем на местах.

Мне кажется, что за последнее время среди нас особо выросла роль, как авторитетных руководителей - ЕВДОКИМОВА и БАКАЕВА, мнение которых считалось также обязательным, как и мнение ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА.

Указанные выше политические установки нашей организации обладали для всех нас - ее членов - губительной засасывающей силой. Даже, если у кого-либо из нас иногда появлялись здоровые партийные настроения и мысли, то они немедленно разбивались колективными усилиями и авторитетом ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА или других членов центра.

Я помню, например, что на меня произвела громадное впечатление речь т.СТАЛИНА к колхозникам. В этой речи с

предельной простотой и ясностью выступает тот путь, которым умелой и заботливой рукой ведет партия крестьянина, еще не освободившегося от собственнических инстинктов, к социализму. Я поделилась своими мыслями с ГОРШЕНИНЫМ, и он был со мной как будто согласен. Но стоило только побеседовать с ЕВДОКИМОВЫМ, БАКАЕВЫМ, ГЕРТИКОМ и другими, как появлялись уже другие оценки, и речь т.СТАЛИНА расценивалась крайне отрицательно. Вообще, после бесед с ЗИНОВЬЕВЫМ, КАМЕНЕВЫМ и ЕВДОКИМОВЫМ я замечала, что антипартийные мысли и настроения у всех нас чрезвычайно укреплялись.

Я помню, что, прочитав последнюю статью ЗИНОВЬЕВА в "Большевике", я отнеслась к ней /правда, недостаточно и односторонне/ критически. Мне казалось политически неверным в наше время, когда капиталистический мир готовит интервенцию, так подчеркивать пораженные настроения ЭНГЕЛЬСА и при этом не увязать как то прошлое с современным, не подчеркнуть особо усиленно, что мы сейчас все обронцы по отношению нашей социалистической родины. И ГОРШЕНИН не находил возражений против моих доводов. Но, побеседовав с ЕВДОКИМОВЫМ, он заявил "Еремеич считает статью правильной", и этим вопрос был исчерпан.

Авторитет ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА и других членов центра нашей организации был, несомненно, поставлен выше авторитета всей партии.

ВОПРОС: На каких нелегальных собраниях организации Вы принимали участие, где и когда они происходили, о чем там говорилось?

- 7 -

ОТВЕТ: Нелегальные собрания нашей организации начались с момента после ХУ-го с"езда партии. Происходили они довольно регулярно - один или два раза в месяц; устраивались они на квартирах ГЕРТИКА, моей, БАКАЕВА, ЕВДОКИМОВА, ВУЙОВИЧА, ШАРОВА, КУКЛИНА.

На всех наших собраниях и сборищах, основной темой наших разговоров было - обсуждение политики и решений ЦК и установление единства взглядов всех членов организации.

Я лично принимала участие на следующих подпольных собраниях организации:

1. на ряде собраний в квартире ГЕРТИКА, Артема Моисеевича, /считалась штаб-квартирой организации/, происходивших довольно регулярно до 1933 года;

2. к тому же времени /1929 г./ относится попытка организации политического и экономического семинаров. О том, что я выделена в семинар /политич./ я узнала, кажется, от ГЕРТИКА /в то время вообще моим непосредственным руководителем был ГЕРТИК/. Мне было дано какое-то поручение: не то собрать литературу, не то составить списки литературы. По этому вопросу меня вызывали к ЗИНОВЬЕВУ, и последний в резком тоне сделал мне замечание за мою медлительность в работе.

3. Большое собрание /человек 12-15/ в 1932 г. у меня на квартире по Плотникову пер. д. 6/8, на котором присутствовали: КАМЕНЕВ, его жена, ГЕССЕН, ЕВДОКИМОВ, ЗОРИН, КАПИТОНОВ и другие. На этом собрании я, в силу личных обстоятельств, не присутствовала.

4. Собрание у БАКАЕВА в конце 1932 г., где присутствовали: ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, КОСТИНА, ГОРШЕНИН, я и другие, где обсуждался вопрос о том, как себя вести на партсобраниях, в

- 8 -

связи с высылкой ЗИНОВЬЕВА в Кустанай и высылкой КАМЕНЬЕВА. Решено было голосовать за высылку, но КОСТИНА тогда решила выступить все-таки в защиту ЗИНОВЬЕВА, считая, что к этому есть удобный повод, т.к. ЗИНОВЬЕВ подвергся более строгому наказанию, чем некоторые соавторы документа.

5. Перед ссылкой ЗИНОВЬЕВА в Кустанай, я была у него вместе с ГОРШЕНИНЫМ. Тогда ЗИНОВЬЕВ просил ГОРШЕНИНА брать у МАДЬЯРА газеты для пересылки через него, ЗИНОВЬЕВА, сына в Кустанай. ГОРШЕНИН это поручение выполнял в течение всего времени пребывания ЗИНОВЬЕВА в ссылке.

6. Незадолго перед убийством т. КИРОВА, я и ГОРШЕНИН были в квартире ЗИНОВЬЕВА. ГОРШЕНИН информировал там о проектах по планированию.

7. Собрание на квартире у ВУЙОВИЧА, где присутствовали - ВУЙОВИЧ, БУДЗИНСКАЯ, ГОРШЕНИН, я и другие, где БУДЗИНСКАЯ давала чрезвычайно резкую характеристику работе компартии Польши. Подробностей не помню. Это было в 1933 году.

Вспомнить все собрания и встречи я не в состоянии; они, как я уже выше показала, имели регулярный характер и происходили до последнего времени, т.-е. декабря-месяца 1934 г.

ВОПРОС: Что Вам известно о существовании и деятельности подпольной зиновьевской организации в Ленинграде?

ОТВЕТ: Из отдельных высказываний членов центра и вопросов, обсуждавшихся на наших собраниях, мне известно, что наша организация располагала в Ленинграде значительными кадрами. Мне точно известно, что из Ленинграда довольно часто приезжали ЛЕВИН Владимир, ДМИТРИЕВ. Кроме того, часто ездили в Ленинград ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, ШАРОВ и КУКЛИН, которые на месте

- 9 -

/в Ленинграде/, связывались с единомышленниками.

ВОПРОС: Какие ставила перед собой Ваша организация цели?

ОТВЕТ: Целью нашей организации, несмотря на отсутствие определенной сформулированной программы, было максимальное использование отдельных переживаемых страной трудностей и создание на этой почве движения внутри партии в пользу возвращения к партийному руководству ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА.

ВОПРОС: Признаете ли Вы деятельность Вашей организации контрреволюционной?

ОТВЕТ: Да, безусловно.

В правильности моих показаний подписываюсь, протокол мной прочитан.

А.КОЖУРО.

ДОПРОСИЛ: ЗАМ НАЧ СПО УГБ НКВД - СТРОМИН.

Верно: *бд*